

Институт «Справедливый Мир»
Российская ассоциация политической науки
Фонд имени Фридриха Эберта

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК УПРАВЛЯЕМЫЙ КОНФЛИКТ

(Культура конфликта во взаимодействии
власти и гражданского общества
как фактор модернизации России)

Сборник статей

Москва, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел 1. Модернизация в современной России:	
проблемы, противоречия, конфликты	9
<i>Л.И. Никовская.</i> Возможности конфликтологического анализа Российского общества в контексте вызовов модернизации.....	10
<i>А.М. Старостин.</i> Модернизация и ее альтернативы в развитии современной России.....	19
<i>В.И. Коваленко.</i> О социокультурном аспекте современных трансформаций	27
<i>А.И. Кольба.</i> Конфликты модернизации с точки зрения мирового и российского опыта	30
<i>Н.А. Баранов.</i> Модернизация через призму российской культуры конфликтности: авторитарный тренд	36
<i>А.В. Глухова.</i> Позитивно-функциональная роль политического конфликта: возможности и ограничения.....	44
<i>Л.В. Сморгунев.</i> Политика модернизации и новая публичность: управляемость, репрезентация и «дистанционное политическое влияние»	58
<i>Ю.А. Красин.</i> «Центрифуга» публичной сферы: от конфликта интересов к публичному интересу в модернизации.....	64
<i>А.И. Соловьев.</i> Диалог Российского государства с обществом: проблемы и направления	72
<i>А.М. Старостин, Л.Г. Швец.</i> Согласие, конкуренция, конфликт в межпарадигмальной инсталляции	83
<i>Я. Янакиев.</i> Конфликты жизненного цикла организации в условиях модернизации	90
Раздел 2. Гражданское общество, публичная политика и межсекторное партнерство	
в контексте задач модернизации: конфликтные вызовы и проблемы управления	
конфликтами	93
<i>А.П. Кочетков.</i> Гражданское общество как фактор политической модернизации России	94
<i>Л.И. Никовская.</i> Место и роль конфликтов во взаимодействии власти и гражданского общества.....	100
<i>В.В. Смирнов.</i> Права человека в диалоге о модернизации: конфликтологическая интерпретация	114
<i>А.В. Соколов.</i> Причины, факторы и тематика протестных акций в современной России	121
<i>М.Ю. Милованова.</i> Социальные ресурсы гражданского протеста в современной России	131
<i>И.Б. Мардарь, М.В. Савва.</i> Новые тенденции взаимодействия власти и гражданского общества в России: перспективы позитивного конфликта	137
<i>В.Н. Якимец.</i> Оценка и направления использования потенциала гражданских инициатив и возможностей межсекторного социального партнерства при модернизации России.....	143
<i>О.О. Кудинова.</i> Межсекторное партнерство как механизм модернизации	152
<i>В.Н. Коновалов.</i> Гносеологические предпосылки конфликтного взаимодействия гражданского общества и государства.....	155
<i>П.Л. Карабущенко.</i> Российская элита на пути к гражданскому обществу.....	166
<i>Д.Н. Нечаев, Е.С. Селиванова.</i> Фактор конфликта и конфронтационных технологий в деятельности сектора гражданских инициатив в России	170
<i>А.Ю. Сунгуров, Н.П. Распопов, О.С. Захарова, Л.А. Петрова.</i> Институты взаимодействия государственной власти и гражданского общества в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде	175
<i>М.Б. Горный.</i> Взаимодействие НКО и органов власти в Санкт-Петербурге: конфликтологический анализ	185

<i>Г.В. Зазулин. Общественные советы при органах власти как основа эффективной политики в России (на примере Общественного совета при ФСКН России с 2007 по 2010 год).....</i>	195
<i>М.А. Молокова. Социальное партнерство и профсоюзы: проблемы и вызовы модернизации.....</i>	205
<i>И.А. Черненко. Особенности и перспективы мирового профсоюзного движения в информационном обществе.....</i>	221
<i>В.А. Белов, А.А. Хохлов. Новые профсоюзы как инструмент управления конфликтом в условиях кризиса.....</i>	229
<i>Л.А. Королева, А.А. Королев, О.В. Мельниченко. Власть и Русская православная церковь в постсоветской России: конфликт или согласие?.....</i>	233
Раздел 3. Проблемы урегулирования этно-национальных конфликтов, снижения угроз экстремизма и терроризма.....	237
<i>А.В. Дмитриев, Г.А. Пядухов. Принимающий социум и мигранты: конфликтное измерение практик взаимодействия.....</i>	238
<i>В.А. Авксентьев. Функциональность этнополитического конфликта: ограничения и возможности (Опыт системного менеджмента на Северном Кавказе).....</i>	249
<i>М.М. Алдаганов, В.А. Антипов, А.И. Стребков. К социометрии этнополитических конфликтов в современной России.....</i>	260
<i>В.М. Юрченко, И.В. Юрченко. Культура конфликта и социальное доверие в процессе обеспечения информационной безопасности современного полиэтничного общества.....</i>	269
<i>О.В. Попова. Опасность социальных конфликтов в сознании жителей мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга).....</i>	279
<i>М.Н. Топалов. Национально-политический конфликт в молодежной среде и его роль и последствия в развитии современной России.....</i>	283
<i>О.А. Коряковцева. К вопросу о роли органов власти в профилактике политического экстремизма в среде молодежи.....</i>	290
<i>Е.В. Морозова, Г.Г. Патарая. Конструирование имиджа России как элемент политического процесса в современной Грузии.....</i>	297
<i>А.Г. Большаков. Республика Татарстан в контексте общероссийской конфликтности: от фронды к согласию.....</i>	304
<i>Б.А. Исаев. Социальные расколы и политические революции в формате «4Д».....</i>	307
Раздел 4. Идеологическая и символическая репрезентация конфликтов в публичной сфере.....	317
<i>О.Ю. Малинова. Структуры и агенты: институты публичной сферы, политический класс и символическое оформление конфликтов в современной России.....</i>	318
<i>Л.Н. Тимофеева. Состояние политического дискурса между властью и инакомыслием в России.....</i>	321
<i>М.В. Юрченко, Н.Н. Юрченко. Российский модернизационный проект: конфликт политических пониманий и поиск оптимальных моделей реализации.....</i>	327
<i>Н.М. Великая. Политическая модернизация в Российском публичном дискурсе как отражение конфликтов групп интересов.....</i>	337
<i>С.М. Глазунова, Г.Л. Тульчинский. Парадоксальность «информационных войн» как репрезентации конфликтов в современном обществе: в поисках «постинформационного третьего».....</i>	341
Сведения об авторах.....	347

С.М. Глазунова, Г.Л. Тульчинский

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ «ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН» КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: В ПОИСКАХ «ПОСТИНФОРМАЦИОННОГО ТРЕТЬЕГО»

Феномен «информационных войн», которым посвящен обширный корпус литературы, многопланово парадоксален. Как минимум, можно выделить три аспекта этой парадоксальности.

1. Что такое информационные войны

Прежде всего, отсутствует ясность с самим понятием информационных войн. Что это? Информационное прикрытие конфликтов? Спецоперации по разрушению информационной инфраструктуры противника? Просто пропагандистские кампании — технологии, давно и хорошо известные в истории? Не являются ли «информационные войны» гипостазированной метафорой этих технологий? Или за ними кроется некая новая реальность информационного и постинформационного общества?

Вот результаты простого сопоставления известных толкований таких терминов, как «информационная война», «политическая манипуляция», «пропаганда», «слухи», «идеологическая диверсия», «психологическая война», проведенного С.М. Глазуновой:

Термин	Определение
Информационная война	Коммуникативная технология воздействия с кратковременными и долгосрочными целями внесения изменений в когнитивную структуру, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре ⁴³⁸ .
Политические манипуляции	Скрытое управление политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать или бездействовать в интересах манипуляторов, навязывание воли манипулятора манипулируемому в форме скрытого воздействия ⁴³⁹ .
Пропаганда	Популяризация и распространение политических, философско-религиозных, научных или иных идей в обществе посредством устной речи, средств массовой информации или иных средств воздействия на общественное сознание ⁴⁴⁰ .

⁴³⁸ Почецов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. С. 25–27.

⁴³⁹ Авченко В. Теория и практика политических манипуляций в современной России // <http://psyfactor.org/polman.htm>

⁴⁴⁰ Большой Энциклопедический словарь. М., 2000.

Термин	Определение
Слухи	Специфический вид неформальной межличностной коммуникации, в процессе которой сюжет, до известной степени отражающий некоторые реальные или вымышленные события, становится достоянием обширной диффузной аудитории ⁴⁴¹ .
Идеологическая диверсия	Понятие введено руководством СССР. Одна из основных форм подрывной деятельности разведывательных и иных специальных служб империалистических государств, их идеологических и пропагандистских центров, представляющая собой агитационно-пропагандистские либо разведывательно-организационные действия ⁴⁴² .
Психологическая война	Целенаправленное и планомерное использование политическими оппонентами психологических и др. средств (пропагандистских, дипломатических, военных, экономических, политических и т.д.) для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и, в итоге, на поведение противника с целью заставить его действовать в удобных им направлениях ⁴⁴³ .

Из этого сопоставления видно, насколько эти термины схожи по значению. Более тонкая аналитика предполагает введение критериев для различения. Можно взять такие напрашивающиеся аспекты, как цели, средства и объект воздействия.

термины признаки	Информационная война ⁴⁴⁴	Психологическая война ⁴⁴⁵	Политические манипуляции ⁴⁴⁶	Пропаганда ⁴⁴⁷
цели	Ослабление позиций конкурирующих государств, подрыв их национально-государственных устоев, нарушение системы государственного управления за счет информационного воздействия на политическую, дипломатическую, экономическую и социальную сферы жизни общества	Поворот массового сознания и массовых настроений от удовлетворенности и готовности поддерживать оппонентов к недовольству и деструктивным действиям в их отношении	Получение, реализация и сохранение власти	Изменение направленности общественного мнения

⁴⁴¹ Караяни А.Г. Слухи как средство информационно-психологического противодействия // <http://psyfactor.org/lib/rumours4.htm>

⁴⁴² Контрразведывательный словарь. М.: Высшая краснознаменная школа Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1972. С. 90.

⁴⁴³ Ольшанский Д. Психологическая война. Приемы психологической войны // <http://psyfactor.org/lib/psywar41.htm>

⁴⁴⁴ Жуков В. Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 1.

⁴⁴⁵ Ольшанский Д. Психологическая война. Приемы психологической войны // <http://psyfactor.org/lib/psywar41.htm>

⁴⁴⁶ Авченко В. Теория и практика политических манипуляций в современной России // <http://psyfactor.org/polman.htm>

⁴⁴⁷ Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. С. 25–27.

термины признаки	И
средства	
объект	
цели	
средства	
объект	

Из этого
вод: инфор
пропаганд
быть актор
И эти цели
тами конф
могут быть
технологии
Попро
стве неко
го и пости

⁴⁴⁸ Социологи
тенциальны
⁴⁴⁹ Контрразв
опасности п
⁴⁵⁰ Грачев Г.
информацио

термины	Информационная война	Психологическая война	Политические манипуляции	Пропаганда
признаки				
средства	Психологические операции, пропагандистские акции, СМИ	Психологическое давление, проникновение в сознание, социологическая пропаганда ⁴⁴⁸	Политическая реклама, политический маркетинг, PR, агитация, пропаганда	СМИ, иные средства воздействия на массовое сознание
объект	Массовое сознание, социальные и политические процессы, информационная инфраструктура, информационные и психологические ресурсы	Массовое сознание	Политическое сознание и поведение людей	Массовое сознание
	Идеологические диверсии ⁴⁴⁹	Слухи ⁴⁵⁰		
цели	Подрыв и ослабление прокоммунистических государств	Могут использоваться для того, чтобы укрепить авторитет их распространителей, посеять недоверие населения к правительству, заставить усомниться людей в справедливости собственного дела.		
средства	Подрывная пропаганда, разведывательная деятельность	Личностное общение, СМИ, листовки, радио, средства звуковещания, вхождение в сети боевого управления противника		
объект	Граждане прокоммунистических стран	Население страны, общественное мнение, иногда состав вооруженных сил		

Из этого сопоставления можно сделать, по крайней мере, один важный вывод: информационные войны — в отличие от односторонних действий типа пропаганды, манипуляции и слухов — есть форма конфликта, в которой должны быть акторы — противоборствующие стороны, преследующие определенные цели. И эти цели — как желаемые результаты — должны быть сопоставимы с результатами конфликта, включая определение победителя. Используемые же средства могут быть различными, включая весь набор манипулятивно-пропагандистских технологий.

Попробуем развить последствия понимания информационных войн в качестве некоей относительно новой политической технологии информационно-го и постинформационного общества, связанной с развертыванием конфликта.

⁴⁴⁸ Социологическая пропаганда — постепенное подсознательное заражение как противников, так и потенциальных союзников наиболее привлекательными элементами предпочитаемого способа жизни,

⁴⁴⁹ Контрразведывательный словарь. Высшая краснознаменная школа Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР им. Ф. Э. Дзержинского, 1972. С. 90.

⁴⁵⁰ Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Институт философии РАН. С. 81.

2. Информационные войны как конфликт интерпретаций

Специфическая особенность «информационных войн» — в неявности их акторов. Кто организатор этих действий? Против кого они реально направлены? Неоднозначность проблемы акторов порождает мифологизацию «информационных войн», их демонизацию. При желании за любой новостью, за любым событием можно проследить мотивационную цепочку, «коварный замысел», который можно приписать неким «врагам». Это, разумеется, не отрицает очевидность строящихся и реализуемых планов и проектов различных политических и социальных сил — как зарубежных, так и внутри страны. Нужно только отдавать отчет в том, что политическая реальность является результатом взаимодействия, столкновения, конкуренции таких проектов и кампаний. Именно это имеется в виду, когда историю понимают как «равнодействующую волю». Тем не менее, акторы «информационных войн» во многом оказываются продуктами интерпретаций, дискурсивных практик, которые, в свою очередь, тоже могут рассматриваться как «информационные войны». Тем самым, сам феномен информационной войны переводится в не то что дискурсивную практику, в игру ума аналитиков и политтехнологов — кто кого «переинтерпретирует».

3. Почему это работает

Можно говорить о своеобразной загадочности «информационных войн». Примером могут служить недавние события вокруг информационной атаки на Ю.М. Лужкова, а также вокруг публикаций скандальных материалов на эл. ресурсе *WikiLeaks*. Ничего нового общественность не узнала. Все эти факты, так или иначе, но публиковались в прессе, в блогах, циркулировали в слухах. Более того, всем понятна некая преувеличенность, даже несправедливость агрессивных действий публикаторов. То есть все знали, все все понимали, но — сработало!!!

Или события в Ливии... Разве до этого ничего не было известно о «чуждачествах» Муамара Каддафи? О его, мягко говоря, авторитарно-семейных методах управления страной, отношениях к проявлениям оппозиционности и инакомыслия? Но почему-то у всех вдруг «открылись глаза», и политическими лидерами были сказаны не берущиеся назад слова, за которыми с неизбежностью последовали санкции.

Проблема «третьего»

Начнем с парадокса (3). Почему при всех очевидностях эта технология «работает»? Потому как становится неприлично, несправедливо оставлять статус «полуправды». Обнародование фактов придает им *publicity*, когда «все говорят», когда «нельзя замолчать», когда уже «надо действовать». Но где предел, где порог перехода от слухов, отдельных публикаций, дискуссий в блогосфере в некое новое качество? И каков тот институт, который оправдывает действия, обусловленные этим «новым качеством» ситуации?

Тем самым, намечается (по крайней мере — частичное) разрешение парадокса (2) — относительно реального адресата «информационных войн». Любой конфликт, даже любой диалог возникают и разворачиваются в присутствии (зачастую неявном, неочевидном) некоего «Третьего», того, кто все понимает и, в конечном счете, рассудит. Как писал Ж.-П. Сартр, человеческое бытие есть бытие-под-взглядом. Это могут быть Бог, Абсолют, Справедливый Суд, Завет Предков, Научная Истина, Исторический Закон Развития, Государство, а при

его отсутствию фактически аргументы сновывают св ты противник

В этой св го (и даже по

Прежде вс ционному об иально, а гор центентное и ставлены в эт

В этой св мире», долж интереса. Чт бы волны кру ки вылезал такое произо

Из теории ция становит но это экзист отношение и

В современ циркулирую ирована. Бол но утверждат му произошл президент по чтобы нам

Особую р ногогенные ка зы). Особен сти техноло глобализаци ства — в гло совое общес жет использ ство, привед вается весьм мы и имеем

И тогда м это не прост рокий резон вение новой реальность сама реальн

его отсутствию или бессилию — кто-то, кто «в законе». Именно к этому Третьему фактически апеллируют обе стороны конфликта, на апелляции к нему они обосновывают свои действия («они первые начали»), собирают аргументы неправоты противников и оппонентов.

В этой связи стоит обратить внимание на три особенности информационно-го (и даже постинформационного) массового общества.

Прежде всего, это «уплощение» ценностной иерархии, свойственной традиционному обществу. В массовом обществе ценности структурированы не вертикально, а горизонтально, в результате чего в нем фактически отсутствует трансцендентное измерение. Даже «самые высокие ценности» катафатически представлены в этом мире, наравне с другими.

В этой связи, чтобы вызвать интерес, привлечь внимание в этом «плоском мире», должно произойти некое Событие, запускающее волну общественного интереса. Чтобы в этом пруду, покрытом ряской, произошло что-то такое, чтобы волны кругами пошли, брызги полетели, чтобы все пиявки всплыли, лягушки вылезли, чтобы даже черепаха Тортилла всплыла посмотреть: что это там такое произошло? А это, оказывается, Буратино бросили в пруд.

Из теории и практики PR хорошо известны условия, при которых информация становится новостью — это что-то важное для широкого круга людей (обычно это экзистенциальные и прочие угрозы благополучию), что-то, к чему имеют отношение известные люди, и — скандал.

В современном мире журналисты собирают не более 12–15% информации, циркулирующей в медиа. Остальная информация предоставлена или инициирована. Более того, о свыше 40% событий, о которых сообщается в медиа, можно утверждать, что не потому о них сообщается, что они произошли, а они потому произошли, чтобы о них сообщалось. Не потому нам показывают по ТВ, как президент почесал у бычка за ухом, что он это сделал, а он сделал это для того, чтобы нам это показали.

Особую роль играют экзистенциальные угрозы (природные катаклизмы, техногенные катастрофы, экономические и политические кризисы, военные угрозы). Особенно чутко к ним современное массовое общество, в силу сложности технологий чрезвычайно уязвимое для таких катаклизмов. Причем — в силу глобализации экономического, информационного и политического пространства — в глобальном масштабе. Можно даже утверждать, что современное массовое общество есть общество алармическое, если не общество хоррора. Что может использоваться и используется в целях политических манипуляций. Общество, приведенное в состояние хоррора, тотальных угроз безопасности, оказывается весьма удобным и пластичным для манипуляции. Примерно именно это мы и имеем в современной России. Примеры слишком очевидны.

Ergo: роль «большого события»

И тогда мы подбираемся к сути парадоксов (1–3). Информационная война — это не просто слухи, отдельные публикации, информация в блогах. Это некий широкий резонанс в общественном мнении, бьющая в глаза очевидность, возникновение новой реальности, к которой можно апеллировать как к факту. И эта новая реальность медийна. Не просто в духе М. Маклюэна «message is media», а именно сама реальность — «большое событие» в медиа. Тот самый Третий, формирова-

ние которого и является целью «информационной войны» и без учета которого, без апелляции к которому формирование и разрешение конфликта невозможны.

Кровавые этнические чистки в Сербской Краине Боснии, возбудившие мировую общественность. Попытка самосожжения молодого человека в Тунисе. «Тысячи» расстрелянных режимом Каддафи. Эти события вытеснили все прочие новости в медийном пространстве, создали некую новую реальность, в апелляции к которой были сказаны такие слова, взяты обратно которые не только было невозможно, но за ними должны были последовать действия. Они и последовали. Во всей своей неоднозначности.

Анализ событий в исламских странах Севера Африки и Ближнего Востока показывает, что ключевую роль в событиях и международной реакции на них сыграли не столько новые информационно-коммуникативные технологии внутри конкретных стран, сколько формирование внешнего информационного контекста в глобальном информационном пространстве. Именно этот контекст создал некую необратимость и задал вектор развития. Тогда как, для сравнения, кровавая бойня тутси и хутту, в которой погибли миллионы людей, не стала предметом озабоченности мирового сообщества. По одной причине — просто потому, что эта бойня не попала в медийное пространство, не стала Событием.

Очевидно, этим и объясняется как интерес к «информационным войнам», так и эффективность этой информационно-коммуникативной технологии в политическом процессе. Так же как, наверное, и важность СМИ как политического института. Кто его контролирует, тот и оказывается «в законе» постинформационной реальности.

Главный конфликт вокруг этого контроля над «постинформационным Третьим» — конфликт государства и гражданского общества, определяющий качественную палитру специфики современных обществ. Но вопрос не только в прямом контроле. Кто прорвался, создав Событие, тот уже добился существенного результата на пути к победе. «Манежка», яркое подтверждение этого.

Авксентьев
экономический
Алдаганов М.
го факультета С
Антипов В.
ного управления
службы при Пр
Баранов Н.
листки Балтий
нова
Белов В.А.
Большаков
федерального
Великая Н.
Российского п
Глазунова
Петербургской
Глухова А.
гии Воронежс
Горный М.
гуманитарно-
Зазулин Г.
тель междуна
наркотиков (Б
Захарова
Петербургско
Исаев Б.А.
Балтийского п
Карабушев
ханского госу
Коваленко
литики факул
Кольба А.
дарственного
Коновалов
культета соци
Королева
рии, Пензенс
Королев А.
рии Пензенс
Коряков
Ярославской
ского